

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021459-0

Языковая игра с падежным окончанием *-ов*, или Как падонки сменились котиками

© 2022 г. Е. Р. Добрушина

Кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой славянской филологии историко-филологического факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
Россия, 109651, Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
edobrush@gmail.com

© 2022 г. Е. О. Борзенко

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
Россия, 109651, Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2,
преподаватель Московского финансово-юридического университета,
Россия, 117342, Москва, ул. Введенского, д. 1А
ekborzenko@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается нестандартное употребление окончания существительных *-ов* для слов женского и среднего рода (*продавать рыбов*), ставшее популярным в языке рунета в 2021 году. Конкуренция в родительном и одушевленном винительном нулевого окончания с *-ов*, возникнув в древнерусском языке как результат смешения двух склонений, в современном языке привела к победе *-ов* (*нет столов, домов*), при сохранении нулевого окончания для некоторых групп (*нет англичан, мальчишек*) и вариативности в разговорной речи для ряда слов (*нет помидоров / помидор*), причем нулевой вариант в XXI веке явственно уступает позиции *“ов-формам”*. Под влиянием “вирусного” мема о разговоре котов с продавцом с лета 2021 года распространена языковая игра, состоящая в намеренном присоединении *-ов* к “неподходящей” основе: *рыбов, книгов, деньгов* и т.д. Подобная языковая игра существовала издавна (например, традиционное ироническое подражание просторечью *делов-то*), но в качестве редких отдельных шуток, а в 2021 году она стала частотна, популярна, используется во множестве мемов и в рекламе, ассоциируется с темой “котиков” и определенным мировосприятием. “Язык котиков” начал превращаться в новое лингвокультурологическое явление, по степени узнаваемости сравнимое с олбанским языком, или языком падонков, пик популярности которого пришелся на середину двухтысячных. Теперь, вместо свойственного олбанскому искажению орфографического облика слова (*аффтар*), отсылающего к идее протеста, меняется грамматическая форма, отсылая к идее тихого умильного смирения перед несправедливостью жизни.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта “Некодифицированная русская речь XXI века: грамматическая вариативность. Первый этап” при поддержке ПСТГУ и Фонда “Живая традиция”.

Ключевые слова: анаколупф, грамматическая вариативность, падежная вариативность, интернет-мемы, лингвокультурология, олбанский язык, разговорно-письменный язык интернета, эрратив, язык падонков, языковая игра.

Для цитирования: Добрушина Е.Р., Борзенко Е.О. Языковая игра с падежным окончанием *-ов*, или Как падонки сменились котиками // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 81–88. DOI: 10.31857/S160578800021459-0

Language Game with a Case Ending -ов or How *Padonki* Were Replaced by Kittens

© 2022 Ekaterina R. Dobrushina

Cand. Sci. (Philol.),
Head of the Department of Slavic Philology of the Historical and Philological Faculty
of the St. Tikhon's Orthodox University,
2 bld. 9 Ilovaiskaya Str., Moscow, 109651, Russia,
edobrush@gmail.com

© 2022 Ekaterina O. Borzenko

Cand. Sci. (Philol.),
Docent at the St. Tikhon's Orthodox University,
2 bld. 9 Ilovaiskaya Str., Moscow, 109651, Russia,
Lecturer at the Moscow University of Finance and Law,
1 A Vvedenskogo Str., Moscow, 117342, Russia
ekborzenko@yandex.ru

Abstract. The article discusses the non-standard use of the endings of nouns for feminine and neuter words (*продавать рыбов*), which became popular in the Runet language in 2021. The competition of the zero ending with -ов in the genitive and animate accusative, arising in the Old Russian language as a result of mixing two declensions, in the modern language led to the victory of -ов (*нет столов, домов*), while maintaining the zero ending for some groups (*нет англичан, мальчишек*) and variation in colloquial speech for a number of words (*нет помидоров/помидор*), meanwhile the zero option in the XXI century is clearly less common than the “ов-forms”. Under the influence of a “viral” meme about a conversation between cats and a seller, since the summer of 2021, a language game has become widespread, consisting in intentionally joining of -ов to the “unsuitable” stem: *рыбов, книгов, денегов*, etc. Such a language game has existed for a long time (for example, the traditional ironic imitation of the colloquial *делов-то*), but as rare individual jokes, and in 2021 it became frequent, popular, used in a variety of memes and in advertising, associated with the theme of “kittens” and a certain worldview. The “Language of kittens” began to turn into a new linguoculturological phenomenon, comparable in degree of recognition to the Albanian, or the *Padonkaffsky* jargon, the peak of popularity of which occurred in the mid-2000s. Now, instead of the misrepresentation of the orthographic appearance of the word (*аффмар*), which is characteristic of the Albanian, referring to the idea of protest, the grammatical form is changing, referring to the idea of quiet touching humility before the injustice of life.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project “Uncodified Russian speech of the XXI century: grammatical variability. The first stage” with the support of the St. Tikhon's Orthodox University and the “Living Tradition” Foundation.

Key words: anacoluthon, grammatical variation, case variation, Internet memes, linguoculturology, Albanian, spoken-written language of the Internet, errative, *Padonkaffsky* jargon, language game.

For citation: Dobrushina, E.R., Borzenko, E.O. *Yazykovaya igra s padezhnym okonchaniem -ov, ili Kak padonki smenilis' kotikami* [Language Game with a Case Ending -ов or How *Padonki* Were Replaced by Kittens]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 81–88. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021459-0

1. Вариативность падежных окончаний родительного множественного мужского рода

Будем называть грамматической вариативностью сосуществование в узусе двух омонимичных форм, не важно, равноправных или нет с точки зрения нормативности. В современном русском языке подобных явлений, распространяющихся на большие — несколько сотен — группы слов,

немного. Рассматриваемая здесь вариативность окончаний “-ов / нулевое” родительного падежа множественного числа (*прародина тюрок / тюрков*) и винительного у одушевленных (*видит тюрок / тюрков*) охватывает более 300 слов, то есть находится на втором месте по объемности после вариативности “-ы / -а” именительного множественного (*тракторы / трактора*).

Эта вариативность является результатом начавшегося примерно в XII в. соединения в одно двух склонений: продуктивного склонения на **ѣ* (*столь*) и непродуктивного склонения на **й* (*домѣ*) — и возникшей в результате данного процесса конкуренции окончаний одной и той же формы [1, с. 7]. В настоящий момент стандартным является окончание *-ов* (*нет столов, домов*) и лишь изредка, как правило, когда из-за формообразовательных особенностей невозможна омонимия единственного и множественного, нормативен ноль (*нет англичан, мальчишек*). Окончание *-ов* сразу, еще восемь веков назад, начало вытеснять нулевое, потому что убирает омонимию: неудобно, когда *надел носок* и *надел *нару носок* имеют одинаковые формы, удобнее *надел пару носков*. К настоящему моменту вариативность сохранилась только для определенного набора семантических групп. Перечислим их в максимально обобщенном виде с примерами нормативной вариативности, проверенными нами корпусно:

(1) Названия единиц измерения (*пять граммов / грамм*), для которых кодифицированная норма — *-ов*, отслеживавшаяся советской корректурой, но в разговорной речи частотен ноль, что связано с проблематикой счетной формы, то есть со смысловым распределением окончаний.

(2) Названия плодов, измеряемых массами (*килограмм баклажанов / баклажан*), для которых кодифицировано *-ов*, но в разговорной речи распространен ноль; в [2, с. 126] однозначно указано, что для лексем *апельсины, мандарины, помидоры* в устной речи используется только ноль, но Орфоэпический словарь [3] эти формы не рекомендует; оба названных источника разрешают ноль для лексемы *баклажан*, но пособия, адресованные сдающим ЕГЭ, запрещают и эту форму, например [4, с. 594].

(3) Названия лиц по принадлежности к национальностям (*прародина карелов / карел*) или воинским соединениям, для которых часто нормативен ноль (*группа башкир, солдат, партизан*) и может быть значимо семантическое распределение “собираемость” / “отдельные лица” (*группа янычар, драгун / несколько янычаров, драгунов*).

(4) Названия парных (*следы пимов / пим*) или называемых только во множественном числе (*смесь опивков / опивок*) предметов, для которых в нормативных источниках имеет место пословное распределение (*пара носков, джинсов / пара чулок, шорт*), а в разговорной речи возможна иногда почти равноправная вариативность (*пара джинсов / *джинс*), а иногда до сих пор неисследованное контекстное распределение (*пара сапогов /*

не износил этих сапог) — и то, и то ждет корпусного исследования.

Последовательно вариативность *-ов* описана в монографии “Грамматическая правильность русской речи” [2, с. 125–128], где выделено более 300 проблемных слов, но в эпоху корпусной лингвистики это описание требует перепроверки, и не только потому, что за почти полвека ситуация изменилась. Например, авторы считают формы *группа бедуинов / бедуин, из оческов / из очесок* равноправными, а проверка показывает, что форм *бедуин* и *очесок* во множественном числе в русском узусе нет и, скорее всего, не было. Современное исследование этой вариативности было сделано С.О. Савчук [5]: был проведен корпусный анализ распределения окончаний для двух семантических групп — овощей (22 слова) и лиц из воинских соединений (14 слов). В отношении обеих групп С.О. Савчук приходит к выводу о том, что для частотных сейчас слов даже в разговорных текстах нулевое окончание постепенно уступает литературному *-ов* [5, с. 427].

Итак, до сих пор в русском языке в отношении окончания *-ов* у существительных с нулевым окончанием в именительном падеже, то есть мужского рода второго склонения, имеется, словами Л.В. Успенского, “сложная путаница, восходящая своим началом <...> к очень давним временам” [6]. При этом, если раньше нулевое окончание было значимым символом разговорной речи и держало свои позиции, то сейчас действует тенденция к унификации окончания *-ов*, его экспансия. Эти путаница и экспансия стали причинами, впрочем, отнюдь не единственными, стремительной популяризации в речи русского интернета 2021 года языковой игры, построенной на вариативности *-ов* для слов женского рода.

2. Окончание *-ов* в женском и среднем роде

В формах женского и среднего рода окончание *-ов* невозможно, но в качестве ошибок, просторечных или детских, или их имитации в художественной литературе формы типа *делов* и *глупостев* появляются в текстах регулярно:

— *А вы свистеть в два пальца умеи? А — клетки делать? А медведев и кошков рисовать умеи? А — что же вы умеи?* [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928), НКРЯ].

Ошибку как средство речевой характеристики персонажа в литературоведении называют анаколуфом (см., например, [7, с. 14]), а помимо собственно ошибок и анаколуфов в нашей речи издавна используются неправильные формы

ради языковой игры. Таково фразеологизованное играющее в просторечии *Делов-то!*, такова шутка *У рыбков нет зубов* — народная ирония над путаницей в падежных окончаниях, наконец, таковы индивидуальные игры, например, Маяковского, по воспоминаниям Лили Брик: *Родительный и винительный падежи он, когда бывал в хорошем настроении, часто образовывал так: кошков, собаков, деньгов, глупостев... Когда я приходила откуда-нибудь домой, Владимир Владимирович часто спрашивал, не видела ли я “каких-нибудь интересных собак и кошков”* [8, с. 151, 96].

В 2021 году в речи интернета игры с -ов стали очень популярны. Лексика, подвергающаяся искажению, принадлежит к самым разным семантическим и формообразовательным группам. Игра может относиться к конкретным существительным из семантических групп “еда / напитки” (*мандаринов, лисичков, десертов*), “животные” (*собаков, птицев, кошков*), “деловая сфера” (*деньгов, зарплатов, работов*); к вещественным существительным (*водичков, пивов, мясов*); к абстрактным существительным (*проблемов, тревогов, мечтов*). Иногда это имена собственные (*ленинов, крымов*). Встречаются *singularia tantum* (*сознаниев*) и *pluralia tantum* (*деньгов*). Чаше всего данная лексика относится к женскому роду на -а (*рыбков, жабов*), но это может быть женский род на ноль (*мышов*), средний род на -о (*словов*) и -е (*копьев*) и мужской род (*мальчишков*). А иногда носители языка используют форму -ов для неодушевленных существительных мужского рода в винительном падеже: *хлебов, миров, батонов, мандаринов* (*Вы продоете мандаринов*) и т.п., тем самым превращая неодушевленное существительное в одушевленное.

Современный интернет позволяет изучить динамику появления форм по месяцам; это очень трудоемко, но возможно, и таким образом становятся реальными даже не микродиахронические, а “нанодиахронические” методики исследования вхождения языковых единиц в речь. Вот статистика появления самой частотной из игровых форм *рыбков* по месяцам с июня 2021 года по 23 апреля 2022: июнь — 1, июль — 22, август — 70, сентябрь — 66, октябрь — 80, ноябрь — 80, декабрь — 120, январь — 86, февраль — 82, март — 93, апрель — 86. Это формы, появлявшиеся именно в текстах; пока, к сожалению, невозможно автоматически обработать тексты визуально-текстовых, то есть креолизованных (термин см. в [9]), мемов, иначе проявилась бы еще более высокая частота формы. Выброс частотности в декабре связан с публикацией на многих сайтах “итогов

года”, включавших упоминание конкретного мема.

Невероятный взлет популярности языковая игра с -ов получила по конкретной причине: в июле 2021 года появился креолизованный мем “Рыбков продоете?”. На фотографии изображены коты, сидящие перед рыбой, разложенной на земле у ног уличного продавца; между котами и продавцом происходит следующий диалог (грамматические особенности сохранены): — *Вы продаете рыбков? — Нет просто показываю — Красивое.*

Мем моментально стал вирусным, то есть известным подавляющему большинству адресатов этого жанра. Во время доклада об этом меме (тезисы [10]) в феврале 2022 года на конференции филологического направления ПСТГУ слушателям был задан вопрос, известен ли им мем. Оказалось, что из примерно 50 присутствовавших студентов-филологов с мемом были знакомы все, а из 20 взрослых филологов — половина. Этот мем очень быстро породил множество подражаний — на других мемах котам стали приписываться реплики типа *вы продаете книгов; вы взятков берете; а кебабов пробовали; достовайте курочков, рыбков и сосисков; меняю водичков на рыбков* и др. Так, интернет-сервис доставки продуктов Сбермаркет 28 июля 2021 г. использовал в социальной сети Twitter фразу *Мы продоем рыбков*, на что служба Яндекс.Лавка ответила фразой *Покажите. Красивое рыбков или нет?*, а Yandex.Eda уже на следующий день опубликовала твит *Мы показываем тех, кто продаёт рыбков, вы покупаете. красивое.*

Благодаря этому мему возникло своеобразное социокультурное течение, которое можно назвать “языком котиков”. Его признаками стали аграмматичные использования окончания -ов и прилагательных среднего рода (как правило, *красивое*, но и, например, *некрасивое, вкусное, умное* и т.п.). “Язык котиков” на основе его игровой сущности, узнаваемости по формам лингвистических неправильностей и по отсылке к определенному мировосприятию напоминает более ранний лингвокультурологический феномен Рунета: олбанский язык.

3. Эрративная семантика олбанского языка

Рунет, или русскоязычный сегмент интернета, формально существует примерно с 1994 г. Однако массовое общение непрофессионалов в чатах началось позже — незадолго до рубежа веков. И приблизительно в этот период, в начале 2000-х годов, распространился тип употребления русского языка с фонетически почти верным, но орфографически нарочито неправильным написанием слов,

впоследствии получивший название олбанского языка, или языка падонков (см. исследование М.А. Кронгауза [11]):

статии, ишшо про АКЦЫЮ. народ, который против аффтаров — ему можно продолжать писать -цца в комментах? или не стоит? а то мне таперича страшно — стока поборников чистоты языка в ленте, офигеть, дайте ишшо дюжину! [Livejournal, 2005]

Причины возникновения этого явления разнообразны: во-первых, обретение в такой форме свободы; во-вторых, возможность выразить протест, реализовать контркультурные тенденции; кроме того, были и две сугубо практические причины: скрыть от автоматического вычитывания матерные слова, зашифровав их при помощи другой орфографии, и замаскировать безграмотность (хотя мастерски владели этим языком как раз грамотные люди). Язык падонков существовал около десяти лет, ныне почти забыт, но оставил след в интернет-сленге в виде пары десятков искаженных слов (*превед*), неизменяемых неологизмов (*ржунимагу*, *ниасилил*) и фразеологизмов (*выпей йаду*). Еще одним следом существования олбанского оказался введенный Г. Гусейновым термин “эрратическая семантика” [12], не ставший особо популярным, но все же сохранившийся в русском языкознании.

Эрратив — это слово, которое носитель языка, владеющий литературной нормой, подверг осознанному орфографическому искажению ради выражения отсылки к субкультуре определенного микросоциума, впоследствии приобретшее микрогрупповую канонизацию в качестве утрированно-исправленного [12]. Представляется удобным применять этот термин и к морфологическим искажениям, если они несут особую семантику, что бывает не всегда. Например, осознанной игрой с грамматикой оказываются распространенные в Рунете нестандартные компаративы, такие как *хотее хочу* [13], но они не имеют эрратического смысла. Эрратическая семантика олбанского языка состояла в отсылке к образу говорящего как склонного к эпатажу, обладающего протестным мировосприятием, негативно оценивающего мир, ироничного, в отсылке к субкультуре контркультурного, контробразовательного духа. Этот образ ушел в прошлое. Какова же эрратическая семантика современных *ов*-эрративов? Ясно, что именно она благодаря соответствию эпохе сделала их популярными и узнаваемыми.

4. Эрративная семантика аграмматического окончания *-ов*

Эрратическую семантику нестандартные формы с *-ов* приобретают тогда, когда это не литературно-разговорная вариативность, с которой все

начиналось, не случайное, ошибочное нарушение нормы и не литературный прием анаколуп, а намеренно неправильная форма. Такая форма меняет женский и средний род на мужской, неодушевленность на одушевленность и подчеркивает индивидуальность, разрозненность объектов, названных множественным числом (ср. упомянутую выше семантическую вариативность *группа янычар*, *драгун* / *несколько янычаров*, *драгунов*). В первую очередь возникает отсылка к детской речи, где унификация грамматики действует сильнее, а смешение рода и одушевленности — приемы создания детского мира. *Малыш* по отношению к девочке — это очень ласково, как и *малышка* по отношению к мальчику. Ласковость по отношению к ребенку не различает полов. Но еще более важна возникающая за счет прямой ассоциации с конкретным мемом отсылка к миру котиков — трогательных, говорящих детской речью, “няшных”.

Корень *ня-* с закрывающим его интерфиксом *-ш-*, теперь воспринимающимся как часть корня, попал в интернет-сленг из анимешной субкультуры: *ня* — японский вариант слова *мяу*, и разнообразные слова с этим корнем обозначают нечто такое же умиленное, как котик. Слова с *няш-* вошли в Рунет примерно в 2008 году — когда в нем массово появились, по формулировке М.А. Кронгауза, “девчушки”, “ванильки”, “няшечки”, которые оттеснили “падонков” своими слабыми плечиками [14]. Пик популярности слова, и по нашей статистике, и по данным словаря языка интернета [15], приходится на 2010–2011 гг., а затем заметно падает. Это слово стало популярным в кругу интернет-девочек, но остальным Рунетом было отвергнуто, стало признаком девичьей глупости. Получилось, что семантика корня *няш-* содержит безусловно положительную оценку, но его стилистическая характеристика для Рунета выражено отрицательная. Умиляться и сюсюкать было не модно. Известна шутка о том, что главное предназначение интернета со времен его появления — обмен фотографиями котиков; разумеется, это было верно и для России, но публиковать такие фоточки приходилось чуть стесняясь, с оговорками в духе “*Что это я все о политике, поговорим о котиках*”. Котиков в фейсбуке можно было сравнить со слониками на салфеточке на комод — забытым ныне символом мещанства вековой давности.

Летом 2021 года ситуация изменилась. Мем про *рыбов* разрешил определенному срезу интернет-сообщества — тому, в котором распространяются мемы, — тему котиков, она получила

общественное одобрение, и именно к ней отсылают *ов*-эргативы. Что же изменилось?

5. Семантика мема “Вы рыбов продаете?”

Может ли один-единственный мем повлиять на целую субкультуру? Да, безусловно: если поймает момент слома общественного сознания, сделает новое мировосприятие эксплицитным. Разберемся же, наконец, в смысле мема. Коты заговаривают с продавцом о рыбке с умиленно детскими ошибками. Продавец отвергает их попытку узнать, есть ли способ получить рыбу, — эмоциональный подтекст его ироничной, явно лгушей, “отшивающей” реплики не важен, может быть — жестокость, может быть — равнодушные. Важнее всего финальная реплика котиков *Красивое* — характерный для мемов (см. исследование С.В. Канашиной [16]) литературный прием обманутого ожидания. Коты могли бы огорчиться или разозлиться, просить или возмущаться — а они принимают отказ. Нельзя купить и съесть — будем этим любоваться. Переведем материальное, раз оно недоступно, в эстетическое. Воспримем недостижимое максимально абстрактно — в среднем роде, пусть неправильном. В Инстаграме есть пост пользователя *lergosogium* «Объяснение мема про “рыбов” для иностранца». В нем сформулирована близкая к нашей точка зрения — использованы те же ключевые слова: “Умиление и абсурдность дополняются вот этим ощущением невозможности достичь желаемого”. Опубликованный 6 августа 2021 г., пост получил 12277 лайков.

В период с июля 2021 по февраль 2022 г., в ситуации пандемии, страха перед болезнью, многочисленных смертей, ухудшения для многих уровня жизни, общество нуждалось в смирении и утешительной “милоте”. Лингвокультурологическая семантика игровых *ов*-форм, сделавшая их популярными, — идея приятия жизненных лишений, возмещения недостижимого материального через духовное и одновременно с этим перевод жизни в домашнюю, детскую, “котиковую”. Сейчас общественное сознание вновь резко меняется, и неясно, насколько долго игровые падежные формы сохранятся значимыми.

Итак, невероятно возросшая в текстах интернета частотность игрового использования несуществующих падежных форм определяется следующими причинами: на фоне общей тенденции к грамматической унификации имеет место экспансия окончания *-ов* в рамках соотношения кодифицированного и разговорного литературного языка; запутанная ситуация с распределением

окончаний в литературном языке делает окончание *-ов* удачным кандидатом на языковую игру; окончание *-ов*, присоединяясь к существительным женского и среднего рода, в том числе вещественным и собирательным, меняет род, превращает неодушевленное в одушевленное, привносит семантику отдельности составляющих объектов, чем создает устойчивую связь с темой детей и антропоморфных домашних животных, точнее, с темой трогательности и умиления; будучи однозначно ассоциируемым с конкретным вирусным мемом, игровое *-ов* отсылает к определенной социокультурной позиции — приятию недостижимости жизненных благ, готовности не потреблять, а любоваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иорданиди С.И. Из истории форм родительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1984: Сборник научных трудов. М.: Наука, 1988. С. 246–266.
2. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976.
3. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 2000.
4. Русский язык. Подготовка к ЕГЭ-2021 / под ред. Н.А. Сениной. Ростов-на-Дону: Легион, 2020.
5. Савчук С.О. Опыт корпусного исследования морфологической вариативности: варианты родительного падежа множественного числа существительных мужского рода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции “Диалог-2010”, Бекасово, 26–30 мая 2010 года. Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. С. 419–430.
6. Успенский Л.В. Слово о словах. Л.: Детгиз, 1954.
7. Тимофеев Л.И. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.
8. Брик Л.Ю. Из воспоминаний // Современницы о Маяковском / сост. В.В. Катанян. М.: Дружба народов, 1993. С. 85–174.
9. Шурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. Вып. № 3. С. 161–173.
10. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Грамматика языка котиков. Тезисы // Материалы XXXII Ежегодной

- богословской конференции ПСТГУ. М.: ПСТГУ, 2022. (В печ.)
11. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М.: Изд-во АСТ, 2013.
 12. Гусейнов Г. “Берлога веблога”: Введение в эрратическую семантику // *Говорим по-русски*. 2005. http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm
 13. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (люблю люблее) // *Вестник РУДН*. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. № 1 (15). С. 26–39.
 14. Рыжова П. В интернет пришла огромная масса девочек: Интервью с Максимом Кронгаузом // *Газета.ru*. 10.04.2013. https://www.gazeta.ru/culture/2013/04/10/a_5250205.shtml
 15. Словарь языка интернета.ru / под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016.
 16. Канашина С.В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2017. № 10 (187). С. 9–14.
- REFERENCES
1. Iordanidi, S.I. *Iz istorii form roditelnogo padezha mnozhestvennogo chisla imen sushchestvitelnyh v russkom yazyke* [From the History of the Genitive Plural Forms of Nouns in the Russian Language]. *Obshcheshlavyanskij lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya, 1984: Sbornik nauchnyh trudov* [The Slavic Linguistic Atlas. Materials and Investigations, 1984, Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 246–266. (In Russ.)
 2. Graudina, L.K., Ickovich, V.A., Katlinskaya, L.P. *Grammaticheskaya pravilnost russkoj rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov* [The Grammatical Correctness of the Russian Speech: From the Experience of Creation of a Frequency Dictionary of Stylistic Variants]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)
 3. *Orfoepicheskij slovar russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic Dictionary of the Russian Language: Pronunciation, Stress, Grammatical Forms]. Avanesov, R.I. (Ed.) Moscow, Russkij yazyk Publ., 2000. (In Russ.)
 4. Senina, N.A. *Russkij yazyk. Podgotovka k EGE-2021* [The Russian Language. Preparation for the Unified State Exam-2021]. Senina, N.A. (Ed.). Rostov-on-Don, Legion Publ., 2020. (In Russ.)
 5. Savchuk, S.O. *Opyt korpusnogo issledovaniya morfolicheskoy variativnosti: varianty roditel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla sushchestvitelnyh muzhskogo roda* [Experiment of Corpus Study of the Morphological Variability: Variants of Masculine Nouns Gen. Pl.]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoj konferencii “Dialog-2010”, Bekasovo, 26–30 maya 2010 goda* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2010”, Bekasovo, May 26–30, 2010]. Bekasovo, Russian State University for the Humanities Publ., 2010, pp. 419–430. (In Russ.)
 6. Uspensky, L.V. *Slovo o slovah* [Word about Words]. Leningrad, Detgiz Publ., 1954. (In Russ.)
 7. Timofeev, L.I. *Slovar literaturovedcheskih terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Timofeev, L.I., Turaev, S.V. (Ed.-comp.) Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. (In Russ.)
 8. Brik, L.Yu. *Iz vospominanij* [From Memoirs]. *Sovremennicy o Mayakovskom* [Contemporaries about Mayakovsky]. Comp. V.V. Katanyan. Moscow, Druzhba narodov Publ., 1993, pp. 85–174. (In Russ.)
 9. Shchurina, Yu.V. *Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii* [Internet Memes as a Phenomenon of Internet Communication]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. 2012, Vol. 3, pp. 161–173. (In Russ.)
 10. Borzenko, E.O., Dobrushina, E.R. *Grammatika yazyka kotikov. Tezisy* [Grammar of the Language of Kittens. Proceedings]. *Materialy XXXII Ezhegodnoj bogoslovskoj konferencii PSTGU* [Materials of the XXXII Annual Theological Conference of the St. Tikhon's Orthodox University]. Moscow, PSTGU Publ., 2022. (In print.) (In Russ.)
 11. Krongauz, M.A. *Samouchitel olbanskogo* [Self-Study of Olbanian]. Moscow, AST Publ., 2013. (In Russ.)
 12. Gusejnov, G. *“Berloga vebloga”: Vvedenie v erraticheskuyu semantiku* [“The Den of the Weblog”: An Introduction to Erratic Semantics]. *Govorim po-russki* [We Speak in Russian]. 2005. URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (In Russ.)
 13. Borzenko, E.O., Dobrushina, E.R. *Intensifikatory semantiki predikatov: okkazionalnye formy sravnitelnoj stepeni ot glagola v sovremennom russkom uzuse (lyublyu lyublee)* [Intensifiers of the Semantics the Predicates: Occasional Formations of Forms of the Comparative Degree Derived from Verbs in the Modern Russian Usage (Lyublyu Lyublee)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages and Methods of Their Teaching]. 2017, Vol. 1 (15), pp. 26–39. (In Russ.)
 14. Ryzhova, P. *V internet prishla ogromnaya massa devochek: Intervyu s Maksimom Krongauzom* [A Huge Mass of Girls Came to the Internet: An Interview with Maxim Krongauz]. *Gazeta.ru* [Newspaper.ru]. 10.04.2013. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/04/10/a_5250205.shtml (In Russ.)

15. *Slovar yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Internet Language.ru]. Krongauz, M.A. (Ed.) Moscow, AST-Press Publ., 2016. (In Russ.)
16. Kanashina, S.V. *Effekt obmanutogo ozhidaniya v internet-memah kak osobaya kommunikativnaya strategiya* [The Effect of Deceived Expectations in Internet Memes as a Special Communicative Strategy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2017, Vol. 10 (187), pp. 9–14. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 28 апреля 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 мая 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
Дата публикации: 31 августа 2022 г.*

*Received by Editor on April 28, 2022
Revised on May 20, 2022
Accepted on June 29, 2022
Date of publication: August 31, 2022*